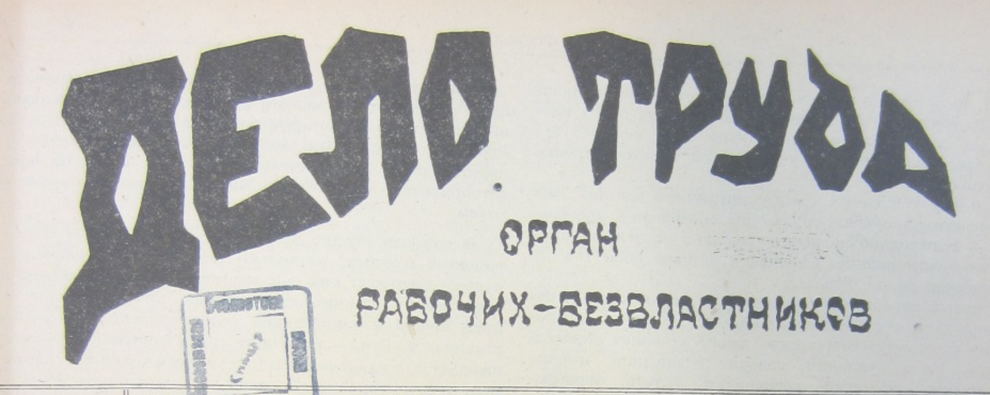
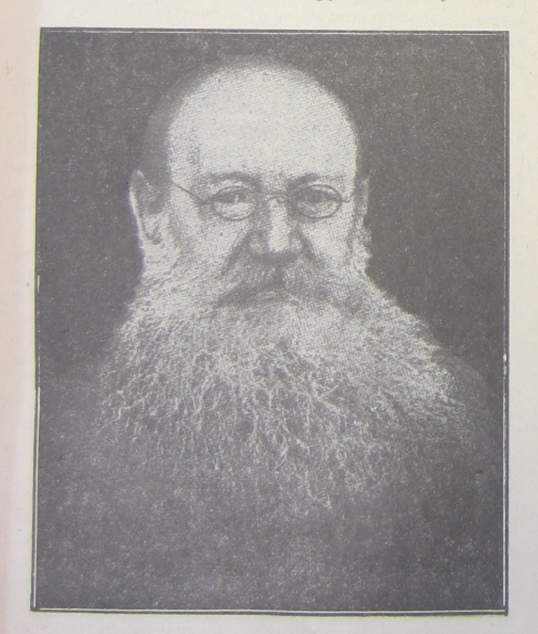

№ 9 «DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)
ФЕВРАЛЬ 1926

ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА

Пять лет прошло с той ночи 8 февраля, когда не стало Кропоткина. Повсюду в мире, где только идет борьба за лучшее будущее, где только трудящиеся идут к сво-

ему освобождению, больно отозвалось в сердцах смерть того, кто был и мыслью, и совестью революции, кто отдал идеалу общественной справедливости и свой обширный ум, и свое великое сердце. Эта потеря будет чувствоваться все сильнее и сильнее, особенно тогда, когда для анархистов откроется возможность свободного строительства. В нашей русской революции пока этой возможности еще не было. Но мысль о ней, предвидение ее, подготовка к ней — самая насущная их задача, и для нея то, что завещал нам Кропоткин на основании опыта прошлых революций, может оказать неоценимую услугу.

Здесь, за границею, в эту годовщину, мы не будем напоминать товарищам о том, кем был и чему учил Кропоткин: они это знают. Но нам хотелось бы напомнить о тех страницах его произведений, где говорится именно о задачах и путях социальной революции.

Мы знаем, какое огромное значение придавал Кропоткин вопросу о *коммунизме*, о принципе, положенном в основу экономического строительства будущего. Это для него — вовсе не вопрос идеальной справедливости (как иногда думают даже некоторые наши товарищи): это — практическая задача завтрашнего дня, от решения которой зависит сама судьба революции. «Общество, говорит Кропоткин, не может быть организовано на двух диаметрально противуположных принципах- постоянно противоречащих друг другу» — обобществление средств производства и частная собственность на продукты его. «Страна или коммуна, которая организовалась бы таким образом, должна была бы или вернуться к частной собственности, или тотчас же превратиться в общество коммунистическое».(*)

Все социалисты провозглашают революционный принцип уничтожения частной собственности, но не все делают из него необходимые логические выводы: в общую собственность переводят все орудия труда (землю, фаб-

(*) «Коммунистическое», конечно, но не в смысле марксистском, а в смысле свободного коммунизма.

рики, железныя дороги и т.д.), накопленные в прошлом, не считаясь с тем, кто и сколько труда в них вложил, а затем заявляют, что отныне труд каждого будет строго взвешиваться, учитываться и соответственно оплачиваться.

А между тем самый факт уничтожения частной собственности на орудия труда уже совершенно преобразует — если только оно действительно проведено в жизнь — все общественные отношения, ставит общество на совершенно новые рельсы.

В нашем паразитном обществе, где человек тем меньше получает, чем больше он работает, принцип «каждому по его труду» естественно кажется вполне справедливым. Но в сущности, говорит Кропоткин, именно он, именно стремление расценивать услуги, оказываемые обществу каждым, лежит в основе наемного труда, со всем злом, с ним связанным. «В тот день, когда общество начало оценивать — в деньгах или в иной форме заработной платы — оказываемые ему услуги... вся история капиталистического общества (при содействии государства) была заранее написана». «Не может быть точного мерила ценности — ни того, что неправильно называют меновою ценностью, ни ценности по степени полезности. Можно сказать в общем, что тот, кто всю жизнь отдавал обществу по 10 часов в день, дал ему больше, чем тот, кто отдавал по 5 часов, или не отдавал ничего, но сравнивать час труда одного с часом труда другого — невозможно». Это значило бы игнорировать всю сложность современной экономической жизни, игнорировать тот факт, что всякий труд есть результат сотрудничества целых поколений в прошлом и всех членов общества в настоящем. На ярком примере разделения труда только в одной какой-нибудь шахте Кропоткин показывает, как все связано одно с другим и как одинаково необходим и углекоп, и тот, кто спускает и поднимает под,емную машину, и инженер,начертивший план, и проч. Никакое различие между разными родами труда установлено быть не может: то, что в современном обществе один род труда оплачивается лучше другого — результат не действительной разницы в его стоимости, а той монополии на образование, на всякого рода обучение, которая установилась и которая дает возможность людям, лучше поставленным в этом отношении, получать большее вознаграждение за свой труд.

Критике привычного различения между трудом квалифицированным и простым Кропоткин посвящает ряд страниц, на которых мы останавливаться не можем. (*) О принципе вознаграждения по заслугам он говорит: «Человеческие общества не просуществовали бы и двух поколений, если бы этот принцип прилагался и все давали бы лишь столько, сколько получают, а не больше». Если буржуазное общество гибнет, если мы теперь оказались в безысходном тупике, из которого не можем выйти иначе, как разрушив огнем и топором все учреждения прошлого, то именно потому, что мы слишком считали, что мы стали *давать* только для того, чтобы *получать*, что общество превратилось в коммерческое предприятие, основанное на приходе и расходе».

*) См. брошюру «Наемный труд».

Кроме того, в чистом виде этот принцип неприложим, потому что во всяком обществе существуют люди нетрудоспособные, которые не могут быть оставлены на произвол судьбы. Ими, следовательно, занимается государственная *благотворительность*, а что такое эта благотворительность и что она вносит в жизнь, мы хорошо знаем.

Но строгая оценка доли, вносимой в общую сокровищницу каждым, не только теоретически невозможна и несправедлива: она еще и противоречит замечаемой в обществе тенденции, порожденной крайним усложнением жизни и умножением человеческих потребностей и запросов. Это — тенденция к раз'единению *вносимого* каждым от *получаемого* им. В городском хозяйстве, например, прежде город строил мост и взимал с каждаго проходящего по нем определенную плату; в наше время жители платят городу определенный налог и пользуются всеми мостами, мощеными улицами, городскими библиотеками и другими удобствами цивилизованной жизни сколько им угодно. На таком же начале организовано и множество частных обществ, клубов, ассоциаций и т.д. Это, конечно,— далеко не коммунизм, хотя бы уже потому, что плата вносится в общую кассу деньгами, а не трудом, и что платящие не участвуют в самой организации дела, но общий принцип все таки проявляется и на него следует обратить внимание как на определенное направление общественного развития.

Об этих вопросах Кропоткин писал еще в старых своих, основных, пропагандистских статьях, составивших книги «Речи Бунтовщика» и «Хлеб и Воля». В последующие годы, в связи с глубоким изучением хода великой французской революции, он все больше и больше останавливался на ея уроках для революции *будущей*; можно сказать, что для читателя *наших* дней его «Великая Революция» является насущнейшим и современнейшим из его сочинений. Некоторые интересные выводы из него мы находим, между прочим в последней из изданных им за границею брошюр: «Деятельность анархистов в революции»; в предисловии к этой брошюре он писал, в мае 1914 г.: «Мы живем накануне великих событий. Вот почему трудящиеся и все те, кому близок успех грядущей революции, хорошо сделают, если подумают над высказанными здесь мыслями и, если одобрят их, поищут возможности провести их в жизнь».

На трудности революции Кропоткин далеко не закрывает глаз: он посвящает ряд красноречивых страниц всем тем препятствиям, которые в критический момент возникнут и из продовольственных и, вообще, хозяйственных затруднений, и из оппозиции сторонников прошлого. Успех революции тем труднее, напоминает он, что она всегда — дело рук меньшинства; но главная трудность ее в том, что она должна быть революцией социальною, а не политическою только. «Революция, которая стремится к экономической перемене, требует сотрудничества миллионов». «Нужно, чтобы везде, в каждой деревне, были люди, которые занялись бы разрушением старого; нужно, чтобы миллионы людей позво-

лили им, в надежде на лучшую жизнь, делать это». («Революционная идея в революции»).

Трудности революции велики; как бороться с ними? Во всяком случае, не вливая новое вино в старые меха, отвечает Кропоткин. Революционеры всех времен были всегда очень смелы в своих *методах* борьбы, но *по существу*, по *смыслу* своей деятельности, они обыкновенно были робки и только брали пример с прошлого.

Французские революционеры 1793 года преклонялись перед древним Римом и стремились подражать римской республике; деятели 1848 года имели перед глазами пример якобинцев французской революции и им же вдохновлялась значительная часть коммунаров 1871 года — та, которая не находилась под непосредственным влиянием Интернационала. Русские революционеры, начиная с Народной Воли, учились на примере Бланки, Барбеса и других деятелей 30-х и 40.-х годов. И теперь — прибавим мы от себя — что такое законодательная деятельность большевистского правительства, как не сколок с того, что делалось якобинцами конца XVIII-го века?

Рядом с решительностью в действиях, говорит Кропоткин, революционеры всегда проявляли большую робость мысли, начиная с деятелей Конвента, которые не смели коснуться экономических вопросов, хотя жизнь и в их время уже насущно ставила их, и кончая революционерами нашего времени. А между тем вся история не только общественной жизни, но и научных завоеваний, и технических изобретений учит нас, что победа остается за тем, кто, не боясь критики скептиков, смело прокладывает новые пути. Нужно в особенности понять всю глубину предстоящего переворота. «Весь характер земледелия, промышленности, труда должен быть совершенно изменен, раз только общество прониклось мыслью, что земля, машина, фабрика должны служить для приложения труда в целях благосостояния всех... Нужно будет пережить целый период преобразований. Революция должна будет проникнуть и на фабрику, и в деревню, и в избу, и в городское жилище, в земледельческие орудия, и в мощные машины больших мастерских, в группировки крестьян как и в группировки фабричных рабочих, а также в экономические отношения между трудящимися, в обмен и в торговлю, которые также должны быть обобществлены, в потребление и в производство». Революция не в том, чтобы истребить — на словах или на деле — как можно большее количество защитников старого, а в том, чтобы ввести как можно больше нового в жизнь. А для этого нужно пользоваться методами, для революции пригодными. Буржуазия удерживает свое господство посредством государственной машины, которой прекрасно умеет владеть и с которой связано все ее историческое воспитание: все буржуазные партии об'единены одним духом,— одним культом — культом римского права, римского государства, лежащего в основе всей политической жизни, со времени образования в Европе крупных государственных об'единений. Но это могущественное орудие господства не может быть орудием народного освобождения: рабочие массы должны противупоставить ему *другое*, более сильное, а именно — разрушение государства и государственной связи и замену его связью *общественною*. Спасение революции — не в дисциплине, а в развитии инициативы. «Инициатива, свободная инициатива каждого, возможность для каждого приложить свою силу в народном восстании — вот что создавало всегда неотразимое могущество революций... Если прошлые революции что-нибудь сделали, то только благодаря тем людям инициативы, тем неизвестным, которые являлись в толпе и не боялись взять на себя перед своими братьями и сестрами ответственность за действия, которые робкими людьми считались безумными по своей смелости». («Деятельность анархистов в революции»).

Интересны страницы, посвященные Кропоткиным революционному террору. Он не восстает против *народной* мести, считая, что только тот, кто вынес все, что вынес народ от своих угнетателей, имеет на это право. Но совсем не то— террор правительственный, законное уничтожение врагов, с революционным трибуналом, тюрьмой и казнями. Этот террор бессилен спасти революцию в опасную минуту: он убивает душу революции — индивидуальную инициативу, упрочивает уважение к сильному правительству, повиновение власти; он подготовляет путь единоличной диктатуре — как Робеспьер подготовил Наполеона. Террор Конвента начался, когда революция уже умирала, и именно под его грозою начали организовываться все те аристократы, которые потом, при Директории, окончательно взяли верх над народом («Деятельн. анарх. в революции»).

Как бессилен террор поддержать и развить революцию, как он только парализует, убивает общественную жизнь — пример русской революции показал нам самым наглядным образом. На ее же примере оправдалась и другая мысль Кропоткина: повсюду, во всем, народная инициатива и добровольные группировки — лучшие орудия революции и лучшая ея защита от врагов. Мы видели это в мирный период революции, когда создавались первые еще свободные Советы, покрывшие всю Россию сетью чисто-общественных, вне-государственных учреждений; мы видели это и в военный период борьбы с белыми войсками, когда народные партизанские отряды сыграли решающую роль. Видели мы и еще одно: как даже в революционное строительство марксистов - большевиков проникли элементы истинного, свободного коммунизма — мысль о даровом пользовании самым существенным для жизни: квартирою, необходимою пищею. Проникло и многое другое, чуждое чистому марксизму.

Кропоткина часто считают утопистом, оптимистом, видящем все в черезчур розовом свете.. Но стоит только внимательно проследить за его мыслью, чтобы увидать, что нигде он не исходит из априорного оптимизма, а всегда из фактов, из знания жизни и истории человечества. Его вера в будущее — не слепая вера, а результат больших знаний. И да поможет его пример всем маловерным!

М. Корн.

РОСС. КОМ. ПАР. И ЕЕ 14-ый С'ЕЗД.

Никогда еще контр-революционный характер Р.К.П. не выступил так выпукло, как на последнем ее с,езде. Никогда еще в такой наготе не обнаружилась борьба двух олигархических группировок в партии исключительно за власть для себя. Никогда еще в такой степени не выявилась огромная пропасть, отделяющая привиллегированную касту Р.К.П. от жизни и интересов широких трудящихся масс.

Осью, вокруг которой вращался с,езд, была борьба с оппозицией. Можно было ожидать, что оппозиция выступив и обосновав свои положения, выдвинет одновременно свои требования и будет последовательно их защищать. Но ничего подобного не случилось. И поэтому мы вправе себе задать вопрос: была ли оппозиция вообще?

Факт таков, что вожди оппозиции, выступая и остро критикуя некоторые стороны политики Р.К.П., не указали ни на одно мало-мальски существенное изменение в политике Компартии. Их дискуссия скорее напоминала академический диспут на тему, как назвать путь, по которому теперь идет Сов. Россия: капитализм или социализм? Конечно, трудящимся массам от разрешения этого вопроса легче не станет. С ними, впрочем об этом дискутировать не приходится. Волны стачек, отголоски которых глухо доходят до нас красноречиво доказывают, что сознательные, революционные элементы в мас ах для себя уже давно решили этот вопрос.

Может быть оппозиция боролась вообще за право существования легального меньшинства в партии? Но и это предположение оказалось ошибочным. Ведь никто иной как вожди этой оппозиции, а больше всех Зиновьев, искореняли троцкистскую ересь из партии, в которой действительно были требования существования партийного легального меньшинства. Неужели Зиновьев вдруг резко переменился и стал троцкистом? Все конечно прекрасно понимают, что наивное удивление Зиновьева по поводу того, что теперь разговоры о свободе и равенстве принимаются за контр-революцию — это в лучшем случае притворство и лицемерие. Ни для кого не секрет, что будь Зиновьев и Каменев в большинстве, они так же безцеремонно придушили бы Сталина, как Сталин теперь душит их.

Боролась ли оппозиция, как могло казаться, против стремительного роста кулачества и частного капитализма? Безусловно нет, ибо не предлагала никаких мер.

Желала-ли оппозиция независимости Коминтерна от Р.К.П. или вернее от политбюро? Вопрос этот ею не затрагивался. Наоборот, известные и довольно конкретные требования были выдвинуты большинством о контроле коминтерна политбюром, оппозиция же скорее была за сохранение status-quo (существующего положения). Факт феодальной зависимости отдельных компартий разных стран от политбюро давно известен. Как пользовались напр. германской компартией для целей чичеринской политики, мы недавно видели. И сам Скрыпник, который этот вопрос затронул и поставил ребром, желал лишь «большего» участия (читай диктатуры) политбюро в делах коминтерна, признавая тем самим, что и до сих пор под эгидой Зиновьева, отдельные компартии были феодами политбюро Р.К.П. Оказывается то, что было до сих пор, не удовлетворяет сталинцев, можно себе представить, какую власть собирается раскинуть политбюро и какое рабство ждет теперь коммунистический Интернационал. Если Зиновьев действительно вдруг стал ультра-левым (а как известно никто иной как сам Зиновьев яростно преследовал ультра-левые отклонения в западных компартиях), и если он действительно старался закулисно провести большую независимость Коминтерна от политбюро Р.К.П., то это следует рассматривать лишь как тактический прием, не имеющий под собой никакой социальной подкладки, ни базы в партийных массах и выдвинутый Зиновьевым лично и группой его интимных приближенных.

Итак — к чему же в конце концов стремилась оппозиция? За что она боролась? Несомненно, за власть. Но за власть для кого?

Чтобы точнее ответить на этот вопрос, следует учесть то положение, в котором теперь находится Р.К.П. Партия эта несомененно переживает стадию своего вырождения. Став правительствующей партией, она неизбежно должна была потерять свой классовой характер. Первой изменой классовой пролетарской идеологии было насаждение нэпа, под всякими интелигентными хитроумными предлогами «передышки», «одного шага назад двух шагов вперед» и т.д. Это было начало большевистского реформизма. Раз вступив на этот путь партия начала пятиться назад со скоростью локомотива, а о каком либо шаге вперед не могло уже быть и речи. Но при всем своем экономическом союзе с капиталом партия желала во что бы то ни стало сохранить политическую власть, прикрываясь ярлыком пролетарской, как наиболее выгодным. Для этого следовало создать во первых огромный аппарат чекистов, а во вторых *чисто-государственный бюрократический аппарат, в интересах которого поддерживать всеми силами ныне существующую власть.* В этом уже была известная гарантия того, что партия сможет все таки — диктаторствуя над пролетариатом— по крайней мере известное время держаться. Аппараты эти были наделены политическими привиллегиями, а по мере развития нэп'а также и экономическими. Конечно в первую очередь правительственные места заняли партийцы. Став бюрократами и оторвавшись от процесса производства, они перестали быть классово-сознательными революционерами. Они подпали под деклассирующее влияние правительственной машины. Защита той власти, которой они служили и которая им давала привиллегии, стала для них непосредственной экономической потребностью. Даже рабочий, став бюрократом психически отрывается от своей среды и от ее *революционных классовых чаяний*.

Так происходил постепенно процесс вырождения партии в деклассированную бюрократическую касту. Партия вся превратилась в государственный аппарат.

При том партия, как типичная привиллегированная каста, ограничила доступ в свои ряды, боясь притока неблагонадежных пролетарских элементов (от станка), которые при большей численности могли бы создать в ней рабочую классовую оппозицию. Типичен ответ сталинца Угланова. На запрос, почему не расширяют парторганизации, Угланов отвечает, что это превратило бы ее в широкую аксельродовскую партию и могло бы разжижать коммунистическое руководство пролетариатом (Правда от 12 декабря 1925).

Действительно интеллигентские деклассированные верхушки боятся притока классово-сознательных масс, под напором которых они могли бы пасть. Единство и дисциплина в сущности вещи желанные для партии и весьма легко вводятся при помощи бюрократического аппарата. Дисциплина эта усиливается особенной солидарностью кастовых совместных привиллегий среди советских чиновников. По отношению к рабочим Р.К.П. характеризуется той же политикой жестов, свойственной социалистическим партиям. Малыми, в сущности незначительными привиллегиями (при вступлении в Вузы, созданием рабочих клубов и то для пропаганды казенщины, отпуски беременным работницам и т.п.) они желают отвлечь внимание рабочих от основного факта экономического рабства, от нэп,а, от закрепощенных профсоюзов, от фактической зависимости фабр. зав. комитетов от заводоуправлений, от непосильных налогов и т.д., словом всеми силами стараются усыпить классовое самосознание трудящихся, уверяя их, что нэп есть путь к социализму.

Процесс огосударствления и деклассирования компартии произошел не сразу и в самой партии не обошлось без борьбы. В 1922 году рабочая оппозиция боровшаяся за независимость профсоюзов от государства была об,-явлена Лениным анархо-синдикалистским уклоном, унич тожена в зародыше, а ее вожди (Шляпников и Коллонтай) получили «полпредскую» ссылку. «Рабочую группу» (мясниковскую), которая боролась против бюрократизации партий и которая дерзала защищать и отстаивать свои требования, постигла худшая участь. Они терпят от тяжелого режима тюрем и ссылки. Как бы мы скептически ни относились к этим оппозициям, все таки они состояли в непосредственной связи с известными требованиями масс.

Но не то теперь с Зиновьевым, Каменевым и Сокольниковым. Их оппозиция не связана с массами и не имеет никакой социальной подкладки. Она развилась *лишь только в Ленинграде* под явным давлением Зиновьева. Под таким же давлением партбольшинства она теперь поет верноподаннические гимны Сталину. Ясно, что Зиновьев и Каменев боролись не за власть определенного социального течения, а за власть для себя и для своих приближенных. Как опытные политиканы они воспользовались лозунгами, создающими теперь брожение в низах, но в то же время они так далеко ушли от этих низов, что давно уже не имеют никакой связи с ними. Оппозиция их нестройна, не целостна. Если она и желает чего-нибудь, то не желает этого до конца. Она и лева и права или вернее ни лева, ни права. Не лева, ибо сохраняя нэп и госкапитализм она ни на йоту не желает уменьшить диктатуру партии и прерогативы автократического государства в пользу революционных экономических организаций трудящихся. Не правее большинства, ибо говорит смутно о возврате к после-октябрьскому военному коммунизму. В искренность их лозунга о введении в состав партии 90 % пролетариата верить нельзя. Это такой же прием для снискания себе масс, как и другие их приемы. В общем «оппозиция» — это смесь случайных, неожиданных лозунгов, рассчитанных на успех в массах и противоречащих деятельности вождей, с моментами борьбы личностей на самой верхушке большевистской олигархии.

Революционная оппозиция в среде компартии невозможна вообще. Всякая оппозиция, которая признает диктатуру партии, будет бороться за власть и тем самим будет противоречить безвластнической природе революционной классовой борьбы.

Наступление на крепость диктатуры начнется не изнутри партии, а извне ее. Приближению этого наступления способствует сама компартия своей угнетательской политикой над трудящимися. В широких безпартийных массах уже теперь назревает протест классового революционного самосознания против угнетения большевиков. Наростает движение возврата к октябрю. В октябрские дни рабочие массы заявили, что не желают больше хозяев, но оказались в руках нового хозяина — государства. Следовательно, путь к новому октябрю должен вести по линии борьбы с государственной властью, с госкапитализмом и с нэп,ом. Движение это не имеет ничего общего с демагогией Зиновьевых и с борьбой, идущей на верхушках Р.К.П. за власть той или иной личности и клики.

Личный характер последней оппозиции имеет важное значение. Он знаменателен, как образчик того болота в которое, попала партийная олигархическая склока. Мы желаем здесь указать на одно. Это явление не случайное. Оно было неизбежно. Это прямое следствие установления на живом теле русской революции государственного аппарата вообще и диктаторского в частности. Апппарат этот по своим природным особенностям отрывается от трудящихся масс и живя их трудом превращается в постоянную правительственную верхушку. Но и среди диктаторствующей касты происходит процесс централизации власти в руках все более незначительного меньшинства. Это неизбежное последствие диктатуры. Она превращается в диктатуру маленькой развращенной властью и экономическими привиллегиями деклассированной группы лиц, ничего общего с миром труда не имеющих. Зависимость миллионов русских пролетариев и крестьян от нескольких паясничающих партийных болтунов — вот суть «диктатуры пролетариата».

Из факта банкротства большевизма, как государственного метода социалистического строительства международные, а в частности русские трудящиеся массы должн придти к двум выводам: 1) на пути соц. революционного строительства они должны опираться лишь только на свои экономические революционные организации; 2) стремясь к своему экономическому и политическому

раскрепощению, трудящиеся должны не только не пользоваться государством, или обойти его, позволяя ему на стороне развиваться и укрепляться, а *бороться с ним* и *убить его*. Путь к социализму открывается там, где кончается государство.

Я. Валецкий.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ

Вопрос давний, важный, имеющий большое принципиальное и практическое значение и требующий тщательного разбора. Несмотря, однако, на свою давность и жизненность, вопрос о взаимоотношениях анархизма и революционного синдикализма по сию пору окутан слоем недоразумений и неясностей. До сего времени на нем лежат следы устарелого спора «нечаевского анархизма» (безначальцы) с анархизмом синдикальным, выступившим в начале с несколько общим расплывчатым лозунгом «работы в массах» и затем оформившимся в течение анархо-синдикализма.

Для уяснения вопроса обратимся к его первоначальной постановке.

Возникшие в 1903-5 годах группы «Безначалие» и «Черное Знамя» выдвинули в качестве анархического метода сугубо индивидуалистическую тактику «безмотивного террора» и «мятежных шаек». По их мнению, рабочий класс погряз в болоте реформизма и приспособленчества к буржуазному миру. Ведомая им борьба за частичные улучшения своей жизни оппортунистична по своему существу («Безначальцы»). Профессиональные организации трудящихся, возникающие на почве этой борьбы, воспитывают и удерживают рабочий класс в рамках легальности, поэтому они по своей природе неспособны повести трудящихся к социальной революции («Безначалие » и «Черное Знамя»). Для последнего акта нужны иные силы, иная борьба. «Мятежные шайки» анархистов, производящие нападения на представителей современного строя, на частную собственность и власть, и явятся этой силой, выводящей рабочий класс из состояния летаргии и подымающей его на полное ниспровержение всего современного буржуазно-капиталистического строя.

Такова, в сжатых словах, идеология и выводимая из нее революционная тактика двух антисиндикалистских течений в русском анархизме. Оба течения являлись принципиальными противниками всякого легального синдикализма, считая последний неспособным стать на путь соц. революции.

Противоположное им течение синдикального анархизма находило указанную тактику беспочвенным бунтарством, обреченным на неудачу и даже вредным с точки зрения здорового развития анархического движения. Оно противопоставляло этой тактике тактику вхождения анархистов в профессиональные организации рабочих с целью воздействия на них в анархическом смысле. Оставаясь анархическим по существу, течение это отстаивало необходимость активного участия анархистов в повседневной борьбе трудящихся и их организаций, считая, что только благодаря такому участию возможно внедрить идеи анархизма в широкие круги рабочего класса.

Мы имеем, таким образом, два прямо противоположных отношения анархистов к профессиональным организациям рабочего класса и в частности к революционно-синдикалистским организациям.

Первое являлось определенно антисиндикалистским; второе — определенно синдикалистским.

К сожалению, как первое, так и второе течение ограничились общими утверждениями, не конкретизировав своих положений и не разработав своих практических программ. Поэтому вопрос не вышел из среды общих рассуждений и общих формул. Наоборот, с течением времени, благодаря пристрастию сторон, он утратил свою первоначальную, хотя и общую, но верную постановку. По какому то нелепому толкованию в обиход вошло подразделение на анархо-коммунизм и анархо-синдикализм, которые противопоставлялись друг другу. Больше того,— пристрастие спорящих сторон дошло до того, что анархо-коммунизм некоторыми стал трактоваться, как течение, требующее осуществления идеального анархо-коммунистического строя на второй же день социальной революции, а анархо-синдикализм—, как носитель идеи некоего экономического государства, экономической диктатуры. Нечего и говорить о том, что в обоих последних определениях мы имеем дело с грубым извращением идеи и лозунгов анархо-коммунизма и анархо-синдикализма.

(Здесь уместно отметить, что извращения эти послужили *одной из причин* зарождения и поддержания среди некоторых анархистов совершенно неанархической идеи переходного периода).

Опыт анархического и синдикалистского движения за последние 15-20 лет позволяет нам значительно подвинуть вперед решение вопроса о взаимоотношениях анархизма и синдикализма. Однако, сначала следует самый вопрос очистить от неясностей и искажений.

Прежде всего, понятия коммунизма и синдикализма не могут противопоставляться друг другу, ибо понятия эти лежат в двух различных плоскостях. В то время, как коммунизм представляет собою определенную социально-экономическую структуру будущего свободного общества, синдикализм является производственным об,единением трудящихся, ведущим борьбу за лучшее будущее. Коммунизм есть цель анархической борьбы; синдикализм — лишь одно из средств классовой борьбы трудящихся. Вопрос с самого начала так и стоял и спор шел лишь о том, может ли синдикализм быть средством социальной революции, устремляющейся к анархическому коммунизму, или нет.

Что значение профессиональных организаций в классовой борьбе рабочих огромна, это не подлежит никакому сомнению. Степень революционности этих организаций может меняться, но их организующая роль в отношении трудящихся остается постоянной. Не интересоваться жизнью и деятельностью этих организаций, находиться от них в стороне и не пытаться идейно воздействовать на них,— значит добровольно урезывать свое участие в социальной борьбе трудящихся, что противно самой природе анархизма. Социально классовая борьба — родная стихия анархизма. В ней он черпает свою силу и мощь. И в ней он имеет свою определенную миссию — сплотить трудящихся вокруг идей и лозунгов анархизма и дать их борьбе анархическое направление. Вопрос состоит в том, как это наилучше выполнить?

15-20 лет назад анархисты, сторонники революционного синдикализма, решали вопрос просто — они шли в революционное синдикалистское движение, стремясь сообщить ему анархические методы борьбы и распространить анархические идеи. Большинство французских анархистов, пошедших этим путем, достигли значительных результатов: под влиянием их активной деятельности революционный синдикализм во Франции стал самым сильным и передовым движением пролетариата всей страны. То же намечалось и в ряде других стран, где анархисты успели сообщить синдикализму свои лозунги и свою тактику. Но уже некоторое время спустя — перед войной, во время войны и после войны — револ. синдикализм Франции и других стран стал крениться вправо и в конце концов раскололся, подпав под руководство двух политических партий,— коммунистов и правых социалистов. За анархистами, бывшими душою боевого революционного синдикализма, осталась крохотная часть его.

Какова же причина этого явления?

Главной причиной следует считать, по нашему, отсутствие у анархистов руководящего идеологического ядра. И здесь мы подходим к одной важнейшей стороне всякого профессионального рабочего движения — революционного и нереволюционного.

Массовые рабочие организации, созданные на производственной базе, сами по себе не имеют социально-политической идеологии. Между тем, всякое рабочее об,единение, ставящее себе целью то или иное социально политическое преобразование, неминуемо должно опираться на соответственную социально политическую идеологию, обосновывающую и освещающую намечаемое преобразование. Рабочее движение только потому становится социальным, что начинает стремиться к определенным социально-политическим целям, которые выражаются тем или иным учением, той или иной идеологией. Если мы обратимся к истории рабочих и народных движений, то увидим, что все социальные движения трудящихся, даже стихийные, находились в определенной связи с некоей общей мыслью, с некоей целью социального характера.

Производственные организации трудящихся, не опирающиеся ни на какую социально-политическую идеологию, остаются в узких пределах своей профессиональной жизни и не играют никакой социально-революционной роли до тех пор, пока не станут, хотя бы в лице своих руководителей, на некоторую идеологическую базу. Ведь самая простая и очевидная истина, связанная с социальным интересом рабочего класса, самая элементарная мысль социального порядка — мысль о борьбе с капиталом, с войною и т.д.— уже являются начатками социальной идеологии.

Однако, в идеологическом отношении рабочие не однородны. Их мировоззрение складывается не только от условий подневольной жизни, но также от того идейного влияния, которое оказывается на них различными политическими партиями, находящимися в их среде,— партиями, каждая из которых по своему освещает настоящее положение рабочего класса, его задачи и его историческую роль. Образовавшиеся в среде рабочего класса различные идеологии прочно держатся и оказывают огромное влияние на его деятельность. Влияние это особенно сказывается в тех случаях, когда из отдельных положений и моментов жизни рабочего класса необходимо придти к социально- политическому обобщению, необходимо найти общую линию поведения рабочего класса, создать его общую политику. В этих случаях рабочая масса в целом, или в большей своей части примыкает на сторону той идеологии, которая более интенсивно и более убедительно развила свои положения.

Отмеченный нами факт отсутствия в рабочих производственных организациях социально-политической идеологии по новому ставит нашу задачу в рядах рев. синдикализма.

Революц. синдикализм не есть мировоззрение. Он — лишь одна из форм революционного рабочего движения В нем различные политические группировки всегда стремились укрепить свое мировоззрение, свою идеологию, чтобы направить движение в сторону своих идеалов.

Идея независимого рабочего движения, ведущего непосредственную революционную борьбу с капиталистической системой за прямой переход средств и орудий производства в руки трудящихся, есть идея анархизма. Поскольку анархисты вели в синдикатах усиленную проповедь этой идеи и в то же время не имели в них сильных политических противников себе, постольку синдикализм анархизировался, воспринимал анархические лозунги и методы борьбы и перед ним раскрывались широкие перспективы. Но участие анархистов в революционном синдикализме никогда не было коллективно-организованным. Всегда они входили в синдикаты в качестве индивидуальных работников, ответственных лишь перед собою, в лучшем случае перед своим кружком. Производимая ими там работа не находилась ни в организационной связи, ни в идейной согласованности с общим анархическим движением. Цельного руководящего ядря в синдикатах анархисты никогда собой не представляли. Слабые стороны такого кустарного отношения к синдикализму и кустарной работы в нем сказались. Настал момент, когда работающие в синдикализме анархические силы поредели, а новых, ввиду отсутствия организации, не поступало. Образовавшийся пробел повел к тому, что в револ. синдикализме обосновались враждебные ему силы — социалисты

и коммунисты — и обратили это движение на служение своим партийным интересам.

Современный анархо-синдикализм подходит к задаче с несколько иными методами. Он пытается создать синдикаты анархического типа, т.е. такие синдикаты, которые, об,единяя рабочих на производственном начале, в то же самое время в основу своего мировоззрения и своей деятельности кладут принципы анархизма. Представляя собою некоторое анархическое зерно в индустриальном мире, синдикаты эти будут анархически воспитывать массы и группировать их вокруг идей и лозунгов анархизма.

Мы находим, однако, что метод анархо-синдикализма недостаточен для достижения поставленной цели. Анархо-синдикализм может иметь тот или иной успех в образовании некоторых синдикатов анархического типа, но анархизировать все синдикалистское движение, или хотя бы большую часть его он, при настоящей своей позиции, будет не в силах. Отдавая все свое внимание на создание синдикатов и на работу в них, анархо-синдикализм в то же время игнорирует важнейшую задачу анархического движения — собирание анархических сил в одно руководящее идейное ядро, которому только и под силу сложная, принципиально выдержанная работа в синдикалистском движении. В этом игнорировании — огромный пробел современного анархо-синдикализма и повторение ошибки анархо-синдикалистов первого периода. Ведь коренная ошибка последних в том и заключалась, что они, войдя в синдикалистское движение, растворились в нем и не позаботились о своем тыле, т.е. о той общей анархической организации, которая должна была являться одновременно и идейно-организационным руководителем всех анархических работников в синдикализме и источником для революц. синдикализма новой идейной силы.

Идейное руководство даже небольшими анархическ. синдикатами требует наличия определенной идейной, достаточно к тому подготовленной организации. Как бы малы эти синдикаты ни были, все же они не будут представлять собою однородного идейного целого. Как и в синдикатах не анархического типа, политический уровень членов их будет различный. И без определенного идейного органа они неминуемо начнут отклоняться в сторону от линии анархической борьбы и от анархических идеалов. Тем более такая организация окажется необходимой, когда мы попытаемся иметь дело не с небольшими и малочисленными синдикатами, а со всем революцион. синдикализмом в целом.

Могут возразить, что Международное Товарищество Рабочих, представляющее собою тип анархического синдикализма, не имеет специфически анархической организации и в то же время живет и развивается успешно, не отклоняясь от анархических принципов и анархических методов борьбы. Но это не верно. Идейное руководящее ядро при М.Т.Р. существует в виде молчаливого, само собой подразумеваемого соглашения между отдельными анархистами. И лишь благодаря деятельности этого ядра М.Т.Р. стоит на анархической позиции и придерживается анархического пути. Отымите идейное руководство этого ядра (а оно, при отсутствии анарх. организации, может пасть под влиянием случайных личных разногласий) и М.Т.Р. начнет отклоняться от основной линии своего поведения и подпадет под влияние иных политических идеологий. То и плохо, что в М.Т.Р. идейное руководство держится на случае. Между тем это руководство должно быть возведено в принцип, в общее правило, соответственно которому должны быть организованы наши силы.

Мы можем теперь сделать выводы из произведенного разбора вопроса.

Движение революционного синдикализма (включая сюда революц. индустриализм и др. рев. профорганизации) представляет собою одну из форм классовой борьбы трудящихся. Его первоначальные основные положения, сообщившие ему мощь,— революционная самодеятельность и самоорганизация рабочего класса — глубоко анархичны по своему существу. Но движением этим заинтересованы различные политические группировки и в нем постоянно происходит борьба различных социально-политических идеологий. Поэтому характер и направление его деятельности зависят в конце концов от того, какая из этих идеологий окажет на него наибольшее влияние. Анархизм не может равнодушно отнестись к судьбе этого движения и спокойно предоставить его воздействиям политических партий. Наша задача в отношении рев. синдикализма — сообщить ему максимум анархической идеологии с целью превращения его в активную армию социальной революции. Задача эта будет выполнена лишь в том случае, если мы преодолеем кустарнические (кружковые) методы работы и подойдем к ней строго организованным анархическим коллективом. В настоящий момент, когда на арене социально политической борьбы действуют прочно организованные политические партии, обладающие огромной силой идейного воздействия на рабочий класс, нельзя подходить к рабочему классу мелкими разрозненными группами, не имеющими между собою идейной согласованности и часто грубо противоречащими друг другу.

Наша работа в рядах синдикалистского движения не есть задача отдельных лиц и групп. Это задача всего нашего движения. Наше отношение к рев. синдикализму и схема работы в нем таковы. Деятельность отдельных анархистов и анархических групп должна находиться в точной идейной согласованности и организационной связи и быть под непосредственным руководством общей анархической организации, к которой анархисты и анархические группы принадлежат.

Лишь общий анархический коллектив, руководящий идейной деятельностью всех анархических работников в синдикатах, сможет удержать нашу идеологию в синдикализме на определенной высоте, сообщить синдикализму анархическое понимание борьбы и целей рабочего класса и предотвратить его от уклонов в сторону оппортунизма.

Таким образом, разрешение вопроса о синдикализме упирается в проблему организации анархических сил. Поскольку нам удастся создать общий анархический коллектив, благодаря которому мы приведем к единству деятельность большинства активных анар-

хистов, создадим общую программу и общую тактику,— постольку и задача наша в рядах синдикалистского рабочего движения будет разрешена.

Происходящие теперь в России события, когда рабочие массы, предаваемые большевиками буржуазии, ищут новых организационных форм и несомненно приступят к созданию своих независимых синдикатов, повелительно требуют от нас скорейшего разрешения нашей организационной проблемы, дабы мы во время могли придти на помощь трудящимся в качестве организованной силы и помешать различным политиканам —меньшевикам, эсерам и проч., усиленно мобилизующим свои силы,— накинуть свою демократическую узду на пробуждающийся рабочий класс.

Сделаем же все для скорейшего разрешения нашей организационной проблемы и идейного и организационного слияния с рабочим классом.

П. Аршинов.

ИДЕЯ РАВЕНСТВА И БОЛЬШЕВИКИ

XIV С'езд Р.К.П. решительно осудил идею равенства. На эту идею Зиновьев сослался до с'езда в полемике против Устрялова и Бухарина. Он заявил, что вся философия нашей эпохи пропитана стремлением к равенству. Против этой мысли решительно выступил на с'езде Калинин. Он считает всякое упоминание о равенстве вредным и недопустимым. Рассуждения его таковы: — Можем ли мы говорить о равенстве крестьянам? Нет, не можем. Ибо в противном случае они потребуют одинаковых прав с рабочими. А это противоречит диктатуре пролетариата. Можем ли мы напоминать о равенстве рабочим? Нет, не можем. И вот почему. На одной и той же работе стоят коммунист и беспартийный. Коммунист получает по шестому разряду, а беспартийный по-третьему. Признайте равенство,— и завтра же беспартийные рабочие потребуют, чтобы их во всем сравняли с коммунистами. Мыслимо ли это, товарищи? Нет, не мыслимо .. А можно ли призывать к равенству коммунистов? Нет, нельзя — потому что коммунисты тоже разное положение занимают... И в смысле прав и в смысле благ.

По всем этим соображениям Калинин находит, что употребление слова: «равенство» Зиновьевым имеет чисто демагогические и вредные цели. Отвечая на это, Зиновьев заявил с'езду, что он говорил о равенстве в другом смысле. Он, Зиновьев, имеет в виду лишь «социалистическое равенство», которое будет в более или менее отдаленном будущем. Сейчас же, пока не совершилась мировая революция и неизвестно, когда совершится, ни о каком равенстве не может быть речи. И в особенности недопустимо признание правового равенства, ибо оно ввергло бы нас на путь опаснейших демократических уклонов.

Резолюцией это достигнутое единомыслие не закреплено. Но по существу обоими спорившими на с,езде сторонами идея равенства одинаково признана непозволительной.

А ведь совсем недавно были иные времена, когда большевики говорили иные речи.

Под знаменем равенства они в Великой Русской Революции шли на свержение буржуазии вместе с крестьянами и рабочими и пришли за счет их к политическому господству в стране.

Под этим же знаменем на протяжении восьмилетнего царствования над свободой и жизнями трудящихся бывшей России, ныне «Союза Социалистических Советских Республик», большевистские цари убеждали трудящихся своего Союза, которых угнетают, и трудящихся других стран, над которыми еще не имеют власти, что они преследуют, томят в тюрьмах и ссылке, убивают своих политических противников только во имя Революции — ее равенственных начал, которые большевизм, мол, внес в революцию, а противники его стремятся разрушить.

На протяжении восьми лет лилась кровь революционеров анархистов, не захотевших рабски преклониться и преклонить своих знамен перед насилием захватчиков власти и перед их безответственностью и заведомо ложными положениями.

В этом преступном деле большевиков, деле, неимеющем себе иного названия, как только кровавого разгула большевистских богов, умерли лучшие сыны революции только за то, что были верными носителями ее идеалов. Их нельзя было подкупить на измену. Они честно отстаивая заветы Революции стремились преодолеть безумие большевистских богов и пробить ими созданные плотины на пути развития революции, чтобы вывести революцию из большевистского тупика на путь действительной свободы трудящихся и подлинного их равенства.

Большевистские боги усмотрели в этом стремлении сынов революции конец своему безумию и своим привиллегиям, которые они успешно перехватывали у низвергнутого буржуазного строя и обманным образом закрепляли их за собой.— Они провозгласили смерть революционерам. Рабы их поддержали и полилась кровь. Восемь л т непрестанно лилась кровь рабочих и крестьян-революционеров. И спрашивается — во имя чего же она лилась?

Все, якобы, во имя равенства и свободы трудящихся, все во имя их, большевики уничтожали тысячами безыменных революционеров—борцов, награждая их эпитетами «бандитов» и «контр-революционеров».

Этой ложью большевики прикрывали от трудящагося класса мира истинное положение вещей в России и свое банкротство в социальном строительстве, банкротство в котором они не хотят сознаться еще и теперь, когда оно больше чем очевидно для всякого, имеющего глаза.

Анархисты во время предупреждали трудящихся всех стран против преступлений большевизма в русской революции. Большевизм, как идеал своеобразного цент-

рализованного пангосударства явился в русской революции врагом свободному духу революционных тружеников. Путем беспримерных насилий он в корне пресекал его развитие и грязнил все достойное и лучшее в революции. Удачно маскируясь, он в то же время скрывал свое настоящее лицо от взора трудящихся всех стран, выдавая себя за поборника их интересов. Лишь теперь на девятом году своего царства, все более и более сближаясь с международной буржуазией, он начинает сымать с себя революционную маску и перед миром труда ясно обрисовывается лицо хищника и эксплуататора.

С идеей равенства у большевиков покончено не только на деле, но и в теории. Сама эта идея об'является вредной для большевиков. Оно и понятно: их господство держится на прямо противоположной идее,— на вопиющем неравенстве, весь ужас и зло которого легли на спины трудящихся.

Пожелаем же, чтобы трудящиеся разных стран сделали необходимые выводы и в свою очередь покончили бы с большевиками, как носителями идеи рабства и угнетателями труда.

Н. Махно.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ.

(*К вопросу об организации наших сил*).

Мои заметки по организационному вопросу были бы неполны, если бы я не коснулся еще двух пунктов.

1. Часто говорят, что расхождение между анархистами идет теперь не столько по линии: синдикализм— коммунизм — индивидуализм, сколько по линии более острых и злободневных вопросов: о «переходной стадии», о насилии в революции, о задачах «второго дня», об отношении к «массам» и т.п. Эти именно разногласия мешают,— говорят,— идейному и организацио ному сближению анархистов.

Совершенно верно, что в нашей среде идут сейчас острые споры по этим вопросам. Этот факт, однако, ничего не меняет в моем основном положении. Расхождение анархистов по ряду «практических» вопросов возможно, опять-таки, лишь в силу *неокончательной выясненности некоторых теоретических проблем*. Оно лишь еще более подчеркивает необходимость углубленной теоретической работы, как предварительного условия нашего сближения. Если бы некоторые наши теоретические предпосылки были совершенно выяснены, эти расхождения были бы невозможны.

Далее. В основе нынешних разногласий лежит, в значительной степени, вопрос о месте классового, общечеловеческого и личного начала в анархизме; и еще вопрос о роли масс. Но оба эти пункта тесно связаны все с тем же коренным, «старым» нашим расхождением на три течения. В самом деле: анархо-синдикалисты особенно подчеркивают классовый, анарх.-коммунисты — общечеловеческий, а.-индивидуалисты — личный элемент. Также и вопрос о массах решается различно каждым из этих течений. Таким образом, течения эти остаются и поныне типичными демаркационными линиями. Остаются, к сожалению, в силе и самые этикетки.

Попробуйте поставить тому или другому товарищу вопрос об организации производства и потребления «на второй день революции». Вы увидите, что этот вопрос будет решаться различно представителями различных течений и приблизительно одинаково сторонниками одного и того же течения. Так же будет обстоять дело, в подавляющем большинстве случаев, и с другими вопросами. Расхождение обнаружится по тем же основным линиям. Стало-быть, и задача сближения должна направиться по ним. Каковы будут возникающие при этом отдельные пункты разногласий,— это зависит от момента и не меняет существа дела. Основное представление о революционном процессе и пр. разбивается на *три главных типа*. Задача сближения состоит в том, чтобы учесть эти типы и постараться примирить их. Тогда создастся возможность сближения и по отдельным острым практическим проблемам.

Если бы, однако, опыт привел вас к обратному результату, то-есть если бы оказалось, что товарищи разных течений неожиданно сходятся, а одного и того же течения расходятся в каком-либо вопросе, то это обстоятельство лишь с еще большей силой подчеркнуло бы неблагополучие в области теоретических основ, некоторых исходных пунктов мировоззрения. Необходимость внести во *все* эти вопросы — схождения и расхождения — теоретическую ясность, прежде чем помышлять об организационной связи, выявилась бы еще резче.

2. Желая организоваться, необходимо, конечно, точно знать и ясно представлять себе *цель* организации. Сущность организации, ее форма, характер и пр. зависят от ее цели. Люди, разно представляющие себе цель данной организации, не сойдутся в вопросе о ее характере и форме. *Они не смогут организоваться.*

Следовательно, *прежде чем говорить о самой организации, необходимо точно уяснить ее цели и сойтись в их понимании.*

У нас как-будто молчаливо принято, что цель организации анархистов всеми ясно понимается, и понимается одинаково. Словно об этом нечего говорить.

Крупная ошибка. Попробуйте спросить нескольких товарищей, как они понимают цель организации анархистов. Вы получите разные ответы. Одни скажут вам, что этой целью может и должна быть только усиленная пропаганда анархических идей; другие будут представлять себе эту цель иначе и не пожелают ограничивать дело одной только пропагандой; третьи поймут эту цель еще иначе и т.д. Для политической партии цель крепкой, сплоченной организации ясна вполне и раз навсегда: завоевание, организация и удержание политической

государственной власти. Для анархистов дело обстоит гораздо сложнее..

Как же соединить всех этих товарищей в одну организацию? Единственный путь — *поставить вопрос о цели организации анархистов* и попытаться *ясно, убедительно для всех* определить эту цель. Определить так, чтобы она оказалась почти *общепринятой*.

Но попытайтесь-ка сделать это. Вы тотчас убедитесь в том, что разница в понимании *цели организации* зависит от различия в некоторых *основных теоретических предпосылках*, от их *неполной выясненности*. Причем, в большинстве случаев, демаркационная линия будет все та же: синдикализм, анти-синдикализм, индивидуализм...

Стало-быть, вы и с этой стороны придете все к тому же: к необходимости *прежде всего выяснить до конца ряд теоретических разногласий*, а затем уже приступить *к вопросу о цели организации* и, наконец, *к самой организации* наших сил.

Возникает вопрос: как же мы можем *на деле* приступить к выяснению наших теоретических расхождений и к исканию идейного сближения?

Вопрос этот имеет две стороны: 1) характер и положение нашей *печати*; и 2) характер наших *личных взаимоотношений*.

Оба эти вопроса не имеют уже, однако, *прямой* связи с вопросом организационным (хотя *косвенная* связь их с ним несомненна). О них мы побеседуем в следующий раз.

Волин.

КЛАССОВОЕ И НАДКЛАССОВОЕ В АНАРХИЗМЕ

Вопрос этот вызывает много споров, толков, обвинений и апологий. Решение его имеет действенное значение для практического, каждодьевього анархизма. Есть ли анархизм учение классовое? Для нас этот вопрос более чем ясен. Анархизм отрицает государство и всякого рода капитализм, призывающий себе в защиту государство.

Поскольку анархизм борется с этими двумя столпами социального зла, постольку анархизм есть учение чисто классовое. И все те «мнимые» его стороники из других классов, которые думают, что можно себя считать анархистом и одновременно поддерживать или даже не противодействовать социальному злу, конечно, ье анархисты и им не место в наших рядах.

Как в своей роли разрушителя государства и капитализма, так и в своей роли конструктивной, по пути к созданию бесвластнического общества на началах коммунизма и самоорганизации трудящихся — анархизм несет в себе чаяния борющагося пролетариата и является чисто классовым, пролетарским учением —стремясь к уничтожению классового неравенства.

Об этом двух мнений быть не может. Все отрицающие это — нарочито клевещут на анархизм.

Но роль анархизма не только узко классовая. Анархизм имеет более широкие горизоьты. Анархизм ратует за право личности на свое целостное развитие, за ее максимальное выявление — видя в этом залог счастья человеческого общежития. Анархизм знает, что даже в бесгосударственном обществе будет элемент угнетения по отношению к личности, а следовательно к обществу в целом — и здесь то анархизм, в своем философском гумманитарном смысле, будет продолжать свою борьбу.

И в этом его колоссальная заслуга перед человечеством и источник его величия.

Анархизм, породивший, или вернее говоря, выведший на поверхность теорию взаимопомощи в животном и человеческом обществе в противовес единственно царившей до этого теории борьбы за существование — несет в себе общечеловеческий, облагораживающий принцип — который безусловно переживет одностороннюю философию «производственных отношений».

Этого забывать не надо.

Но пока перед нами скалит зубы наш классовой враг — капитализм, мы проповедуем и практикуем пролетарско-классовую борьбу, правда никогда не теряя из виду всей полноты анархического жизнепонимания.

И. Метт.

О СУЩНОСТИ МИЛИТАРИЗМА

Это было после мартовского восстания 1919 г., кроваво задушенного Носке при помощи реакционной офицерской банды. С конференции в Брауншвейге я возвращался в Берлин. Купе было битком набито и я с трудом нашел себе место. Разговор шел, понятно, о последних берлинских событиях. Среди говоривших обратил мое особенное внимание один человек, который — как я узнал из одного его случайного замечания — был бывшим прусским офицером, потерявшим вследствие революции свое место. Это был мужчина лет сорока с открытым и интеллигентным выражением лица. Я долго и внимательно прислушивался к разговору, не принимая, однако, в нем участия. Но когда после одного особенно яркого вывода бывшего офицера я, не будучи в силах сдержаться, вставил свое краткое замечание, он смерил меня взглядом и сказал:

«Милостивый Государь, я не знаком с вашими взглядами, но, судя по вашему замечанию, я думаю, что вы

не вполне поняли истинную сущность милитаризма. Милитаризм есть не только техническое название выстроенных военных боевых сил. Милитаризм это философия. Такие люди, как Клаузевиц и Мольтке — и в известной степени, также и Людендорф были не только великими полководцами, но также и великими национальными народными воспитателями в высшем смысле. Их величина и значение только с этой точки зрения и могут быть достаточно оценены. Чтобы ввести в движение машину с миллионами колес, недостаточна обыкновенная казарменная дисциплина. Для этого необходимо в первую очередь своеобразное систематическое воспитание народного мышления в духе милитарного принципа».

Этот человек был прав. Все остальное время нашего путешествия в Берлин мы с ним остро спорили, не будучи в состоянии разубедить один другого. Наши воззрения были слишком противоположны. Мой противник был, вне всякого сомнения, очень начитанным человеком и с большой дозой интеллигентности. Но он был убежденным сторонником авторитарного принципа и держался того мнения, что общественное сожитие без власти невозможно. Он считал, что только железное насилие в состоянии координировать все бесчисленные течения духовной жизни народа и направить ее к определенным целям. Авторитет был для него синонимом воспитания, а высшим достижением этого воспитания — милитаризм.

Этот бывший офицер, занимавший без сомнения видное духовное место в своей касте, понял истинную сущность милитаризма глубже, чем пацифистические фразеры, наталкивающиеся только на внешние формы, но в сущности признающие те же принципы милитаризма с большей или меньшей последовательностью.

И действительно, не исчерпывается самим только существованием военных сил. Милитаризм шире. Милитаризм есть особенный способ духовного воспитания, или правильнее говоря, это есть бездушие, возведенное до высоты принципа, отрешение от воли и безусловный отказ от всякой личной ответственности. Милитаризм — это поругание человеческой мысли, низведение живых чувств и побуждений к мертвому шаблону, систематическое убийство всякого независимого стремления и нравственная деградация духовной жизни до нуля.

Милитаризм механизирует мышление и чувство, делая из человека безвольный автомат, живую машину. Недаром в Германии при старом режиме культивировали парадный марш. Критики прусской системы неоднократно подтрунивали над парадным маршем немецких солдат. Они приписывали его патологическому вкусу бездушного деспота и считали, между прочим, что он ничуть не свидетельствует о боевой способности армии. Но не это было целью воспитателей милитаризма. Целью их было — низвести все человеческое сознание к нескольким механическим движениям. Человек становится механическим аппаратом, мертвой марионеткой, движимой невидимой проволокой. Таким образом, у человека грабится самое ценное: чувство ответственности за собственные поступки, заставляя его слепо и безповоротно повиноваться приказам сверху.

Только тем и можно об'яснить, что солдат готов исполнить всякое дело, будь оно самым отталкивающим, если только получит на то приказ. Он потерял инстинкт ответственности, как Петер Шлемиль свою тень. Ему кажется, что не он ответственен за свои поступки, а лишь «начальство». Он считает себя только орудием этого начальства и оставляет ему ответственность за все свои поступки.

В этой нравственной деградации и коренится истинная сущность милитаризма и его страшное значение для человеческой расы. Здесь нужно ударить топором, чтобы уничтожить с корнем это грозное явление. Человек должен понять, что нельзя стать убийцей и разбойником по приказу свыше, и что безвольное послушание приказу к действиям, вызывающим к себе отвращение и презрение, худшее из преступлений.

Рудольф Рокер.

ГЕРМАНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В 1925 ГОДУ.

На продолжении всего 1925 года тянутся столкновения между капиталом и трудом. Инициатива была по большей части со стороны предпринимателей. Буржуазия хотела на основании стабилизации валюты утвердиться и все тяжести свалить на плечи пролетариата. Правительство же при этом оказывало им вспомогательные услуги; и так как реформистские профсоюзы находятся на поводу у капиталистического законодательства, то врагам рабочего класса удалось осуществить их намерения: реальная заработная плата немецких рабочих еще и теперь отстоит от довоенной. Соответственно понизился также и жизненный уровень немецкого рабочего.

БОРЬБА ЗА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.

В период, предшествовавший инфляции, цены на продукты первой необходимости росли с невероятной быстротой. Заработная плата же никогда не поднималась таким темпом. Отсюда возникала все большая и большая разница между рыночными ценами и заработной платой, которая все больше удалялась от реальной заработной платы довоенного времени.

Когда период инфляции прошел, рабочие потребовали по крайней мере довоенных заработков. Капиталисты выполнять это требование отказывались и в результате была тяжелая борьба за реальную зарплату. Столкновения тянулись на протяжении всего 1925 г. и еще теперь продолжаются.

В общем капиталисты сумели с успехом отклонить требования рабочих. Заработная плата немецких рабо

чих еще и теперь ниже зарплаты рабочих других стран. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что самые тяжелые работы наименьше оплачиваются.

Лучше всех отделались баварские рабочие, которые не совсем напрасно вели большую и длительную забастовку.

Средняя зарплата квалифицированного немецкого рабочего составляет 92 пфен. в час, неквалифицированного—64 пф.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Капиталистический класс Германии еще упрямо сопротивляется введению 8-часового рабочего дня. Германские капиталисты, как известно, ведут упорно их классовую борьбу и буржуазное правительство не менее упорную классовую политику.

К сожалению это не может быть сказано о профорганизациях амстердамского направления, которые все еще преобладают в Германии. Эти последние не ведут никакой классовой борьбы, никакой классовой политики. Нечего поэтому удивляться, что 8-часовый рабочий день не существует почти для половины германского пролетариата.

Но рабочие хотят 8-часовый рабочий день и потому этот вопрос вызывает ожесточенную борьбу.

Амстердамские же профорганизации добиваются *закона* о рабочем времени и потому им, конечно, делать больше не остается. Они хотят, чтобы правительство ратифицировало Вашингтонскую конвенцию о 8-часовом рабочем дне. Закон о рабочем дне должен войти, как часть, в широкое социальное законодательство, в которое должны быть также включены законы о социальном страховании, страховании от безработицы, тарифных и конфликтных делах и о заводских комитетах. Когда осуществятся эти планы, тогда (по их мнению) прекратится всякая прямая борьба между рабочими и предпринимателями и она перенесется на парламентскую трибуну.

Такова цель реформистских организаций Германии

До последнего времени капиталисты еще противятся этому плану, но нужно думать, что в более или менее скором времени решение вопроса пойдет по этому направлению.

В случае, если 8-часовый рабочий день не будет утвержден в Рейхстаге — реформисты думают провести референдум, как это было в Швеции.

Таковы перспективы на 1926 год.

Жизненный уровень.— Цены на предметы широкого потребления за истекший год неимоверно поднялись, несмотря на стабилизацию валюты. Товарный индекс составляет 150,5, т.е. цены больше чем вдвое выше довоенных. Вот некоторые примеры:

В 1914 году квалифицированный рабочий зарабатывал в среднем 35 марок в неделю; кило мяса стоило 1.80 мар., кило масла 2.70 мр; костюм — 50 мар.

В 1925 году квалифицированный рабочий зарабатывал в среднем 40 мар. в неделю; 1 кило мяса стоило 2.80 мар., кило масла 4.80 м.; костюм — 120 мар.

Это простое сравнение показывает, как теперешний уровень отстает от довоенного.

Немецкий рабочий работает за голодную плату, чтоб немецкий капиталист мог с успехом конкурировать на мировом товарном рынке.

Германия теперь страна с самыми высокими ценами в мире, и с самой низкой рабочей зарплатой. Отсюда ясно, что немецкому рабочему предстоит еще выдержать упорную борьбу пока только для того, чтоб привести свой жизненный уровень на одинаковую степень с рабочими других стран.

Борьба за налоги и пошлины.— Для мнимого упорядочения государственного хозяйства (в действительности оно уже давно упорядочено посредством налогов с заработной платы) и чтоб уплатить военные долги, были возобновлены налоги с заработной платы, по которым с каждого рабочего вычитывается 10% с заработка. Таким образом рабочие заплатили 88% общего налога Германии, а капиталисты только 12%.

В сентябре и октябре Рейхстаг возобновил эти налоги и никакие препятствия амстердамских социал-демократов изменений не внесли.

Вводятся также новые налоги на предметы первой необходимости.

Итак, положение немецкого рабочего все ухудшается.

Амстердамские профсоюзы.— Реформистские союзы Германии известны по всему миру своей предательской ролью по отношению к рабочему классу. За последний год их физиономия еще ярче выявилась.

Теперь они работают над созданием рядом с политическим парламентом, так называемого, экономического парламента. Этим они, очевидно, расчитывают найти себе теплое пристанище, как это случилось уже со многими из бывших профессиональных вождей, занимающих ныне хорошо оплачиваемые государственные посты.

Библия.— Пикантную штуку выкинули реформистские профсоюзы к Рождеству 1925 г. Они издали в своем книгоиздательстве Новый Завет с предисловием, в котором они доказывали, что библия для каждаго человека, а следовательно и для рабочего,— хорошая книга. Реформистские профсоюзы хотят сделать рабочего набожным, очевидно, подобным образом подготовляя его к классовой борьбе.

Итак, с библией в руках выступает централистски организованный пролетариат Германии навстречу Новому Году.

ПОРТУГАЛИЯ

Экономическое положение.— Рабочие Португалии переживают теперь тяжелейший кризис. Состояние индустрии ужасающее. Вместо применения современных методов производства, португальский капитализм предпочитает ускорять процесс обнищания рабочих масс и постоянно подвергать их тяжелейшим кризисам из-за безработицы.

Такое положение вещей дает возможность предпринимателям снижать зарплату, особенно в тех областях промышленности, которые мало развиты и где рабочие организации недостаточно крепки.

В корковой промышленности, где работает 12.000 человек, предприниматели хотели снизить зарплату на 10 %. Рабочие об'явили оборонительную забастовку, которая длилась 33 дня и кончилась компромиссом. Рабочие были вынуждены снизить зарплату на 5%.

Рабочим мясной промышленности в Альдеголеде об'явили о снижении зарплаты на 25 %. Они об'явили забастовку, которая длится уже 3 месяца.

Предприниматели других отраслей промышленности пытаются также снизить зарплату. Но там, где рабочие хорошо организованы, одной угрозы сопротивления со стороны рабочих достаточно, чтоб заставить предпринимателей отступать.

Политическая реакция.— Как уже сообщалось, усилиями организованного пролетариата фашизм в Португалии разбит на голову. Многие рабочие в благодарность за это сосланы «либеральным» правительством в Тибо, Верда и Гвинею. Несмотря на многочисленные протесты со стороны рабочих организаций,судьба арестованных и сосланных еще не решена.

Всеобщая конфедерация Труда (C.G.T.), принадлежащая к М. Т. Р., устроила демонстрацию в Лиссабоне против политических преследований и за освобождение арестованных. Эта демонстрация прошла с большим успехом. Многочисленные массы рабочих демонстрировали в столице Португалии за освобождение своих братьев.

ЯПОНИЯ

Приговор Осуги и товарищей.— Тов. К. Вада, который стрелял в генерала М. Фурута, осужден на вечную каторгу. Тов. Фурута, который доставлял бомбы и убил в гор. Осаки банкира, чтоб раздобыть денег для анархического движения, приговорен к смерти. Тов. Ричачи, который доставлял т. Фурута динамит присужден к 12 год. тюрьмы. Тов. Чиутани — к 5 годам. Осужденные держали себя храбро и посмеивались над приговором.

Тов. Фурута шлет товарищам по всему свету свой пролетарский привет и выражает надежду на их активность.

«Наши боевые силы очень ослабели, но мы будем бороться до смерти или победы»— так пишут товарищи из Японии.

КОММУНИСТЫ О САМИХ СЕБЕ

В «Bulletin Communiste» (Коммунистическом бюллетене), органе меньшинства французской компартии, выходящем под редакцией Бориса Суварина, печатаются интересные отчеты о XIV с,езде Р.К.П. Исключенный из партии за троцкизм Б. Суварин не боится говорить правду и вскрывает всю гниль, раз'едающую русскую и французскую компартии.

Зарегистрируем здесь несколько отрывков, ценных тем, что исходят от коммуниста и бывшего члена Ц.К.

«Выступление Крпуской послужило материалом для многочисленных реплик. Так как обе стороны бросаются *теми же* шаблонными фразами, *теми же* формулами, *теми же* намеками и *теми же* цитатами из Ленина, то можно было бы спросить, что же определяет точку зрения большинства, если бы не было *известно* что большинство делается *аппаратом* и что это не имеет ничего общего с какими бы то ни было идеями» (стр. 202.).

О сервилизме и лакействе вожаков французской компартии дает представление следующий абзац.

«Теперь перед нами резолюция Ц. К. французской компартии, которая ничего не зная, ничего не читая, ничего не расследуя и не дискутируя, не имея даже возможности понимать что-либо, об,являет, что тот, кто более силен — прав... Это можно было предвидеть».

«Будет ли дискуссия в коминтерне? Это еще неизвестно хотя французский Ц.К. сгорает желанием показать свои таланты. Будем надеяться, что не лишат нас этого спектакля» (стр. 203).

Далее идут цит. Зиновьева о «равенстве», напирающ. на то, что масса стремится и мечтает о равенстве и в этом ключ к пониманию философии эпохи. «И если мы хотим быть подлинными истолкователями народного сознания — говорит Зиновьев — мы должны быть во главе борьбы за равенство».

По этому поводу Суварин отмечает: «Задача Зиновьева напомнить, что рабочие боролись в Октябре и после октября за равенство была бы похвальна тогда, если бы она не была вызвана непрерывной демагогией и если бы не знали, что в действительности он только ищет платформу, чтобы победить Сталина» (стр.224).

Далее продолжает по этому же поводу Суварин: «Равенство. Действительно об этом нужно говорить, а еще больше делать. Но на это не имеют права те, которые создали в революционной России новые привиллегии». (стр. 224).

Все, что Суварин говорит о партии и ее вождях, верно, но он одно выпустил из виду, что те же обвинения могут быть возведены также и против него, как по существу стороника тех же «методов» действия в прошлом, а может и в настоящем.

К ПРОЛЕТАРИАТУ И РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ ВСЕХ СТРАН

В Росси произошли три революции.

Первая русская революция произошла 12 марта 1917 года при участии «меньшевиков» и правой фракции соц.-революционеров, образовавших совместно с буржуазными партиями коалиционное правительство. Они считали, что рабочий класс должен работать вместе с буржуазией. Но революционный пролетариат протестовал и свалил буржуазно-социалистическое правительство. Эта — вторая революция произошла 7 ноября 1917 года. «Большевики» воспользовались революционным дви-

жением среди рабочих и солдат Петрограда и совершили военный переворот. Они обманули революционный пролетариат, говоря ему, что в России управляют Советы. Но мы хорошо знаем, что «большевики» существуют в России только в качестве *партийных* диктаторов. Кроме того, большевистский коллективизм разрушил производство, угнетая пролетариат.

Рабочие и крестьяне не могли мириться с политикой «советского правительства» и начали бастовать и бунтовать в городах и деревнях.

В Кронштадте и на Украине революционные рабочие и крестьяне организовали революционные армии и боролись против убийц русского народа. Они продолжили дело второй революции. Кронштадтское восстание и махновское движение это — третья революция. Их девиз был: «Долой партийную диктатуру! Да здравствуют вольные советы »

По подавлении восстания красной армией советское правительство сейчас жее об,явило «новый капитализм («нэп»)...

Дорогие товарищи!

Не слышите ли вы голоса русского пролетариата и революционеров, томящихся в тюрьмах и ссылках?

Мы призываем вас не забывать дня кронштадтского бунта — 7-ое марта.

В этот день мы должны организовать собрания и демонстрации, чтобы пропагандировать значение 3-й русской революции.

С революц. приветом

Федерация Китайских Анархо-Коммунистов.

ПРОТИВ ДРЯЗГ В АНАРХИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Несмотря на то, что практика личных споров и дрязг, выносимых на столбцы нашей прессы, постоянно осуждалась и клеймилась, как позорящая наши ряды, тем не менее и до сих пор отдельные т-щи прибегают к этой практике, мало думая, должно быть, о том, сколь это унижает нашу прессу и разлагает наше движение.

В NN «Рассвета» * Н. Махно, возражая на замечания т.т. Шапиро и Мрачного по поводу махновского движения, допустил резкие выражения по их адресу.

Реагируя на резкости Махно, т. Шапиро в своем ответе (Голос Труж.N11) прибег к намекам и двусмысленным выражениям, бросающим тень на Махно, как на политического работника.

Вслед за Шапиро (Гол. Труж. N12) в спор встрял, без всякого к тому основания, Б. Еленский, также постаравшийся унизить личность Н. Махно и ни словом не упомянувший о недопустимом поступке А. Шапиро.

Т. Махно, отвечая Еленскому, прибег к совершенно недопустимым выражениям и отзывам о т-ще П—ом, который не имеет никакого отношения к заграничным дрязгам («Рассвет», N 479).

То обстоятельство, что Н. Махно является членом Группы Русс. Анархистов Заграницей (к слову сказать принципиально высказавшейся против всяких личных споров и дрязг в анархической прессе), побуждает эту группу в порядке организационной дисциплины вынести порицание Н. Махно за его поступок и печатно осудить образ его действия, выразившийся в абсолютно недопустимых выражениях и отзывах о П—ом.

Осуждая поступок Н. Махно, мы столь же решительно осуждаем поведение Шапиро и Еленского, обрадовавшихся случаю поругаться печатно.

Анархическая пресса существует для пропаганды идей анархизма, для разработки его теорий, для политического воспитания масс и для развития в нас духа солидарности и товарищества, а не для брани и сведения личных счетов.

Предлагаем всем анархическим изданиям повести решительную борьбу с позорным явлением печатной ругани. Этому безобразию давно пора положить конец.

Документы, содержащие элементы личной и фракционной ругани, следует неизменно бросать в печь или отсылать авторам.

Группа Русских Анархистов Заграницей.

(*)Между прочим Группа Рус. Анархист. загр. не считае газету «Рассвет» анархической.

ПРИВЕТСТВИЕ «ДЕЛУ ТРУДА».

Detroit Michigan, Января 2—1926.

Дорогие товарищи!

Принимая во внимание, что «Дело Труда» в настоящее время является единственным выразителем на русском языке безвластнических идей анархизма и что раздающийся на страницах «Дела Труда», голос зовет все активные анархические силы к об,единению и сплоче-нию и — опираясь на горький опыт прошлого, указывает единственный путь для осуществления идей, ведущих к освобождению всего человечества от всех видов произвола и тирании государства, власти и религии, мы при-ветствуем начатое дело и желаем его осуществления.

И наше самое горячее пожелание видеть наш дорогой орган «Дело Труда» в увеличенном виде, хотя бы до 16 страниц. Мы же и в дальнейшем по мере возможности будем оказывать свою моральную и материальную поддержку. Надеемся, что и другие товарищи последуют нашему примеру.

Посылаем в пользу «Дело Труда» двадцать восемь долларов и 50 с. Деньги эти, по инициативе некоторых товарищей, были собраны среди участников новогодней вечеринки, устроенной Русским Прогрессивным Обществом и Пр. Союзом Русских рабочих города Детройта (U.S.A.).

Жертвовали следующие товарищи: По 1 доллару М.М.,— М.Т.,— А.Г.,— Н.Г.,— В-Л-.,— Т.Ш.,— П.К., А.О.,— В.А.,— С.С.,— К.П.,— И.У.,— М.П.,— В.Б.,— Ф.С.,— М.Мяк. 1.35.,— по 50с. И.К.,— А.М.,— И.С.,— С.Т.,— Н.Ш.,— М.П.,— И.Ф.,— А.Д.,— Н.Н.,— Я.С., Н.Ш.,— Е.Г.,— К.Д.,— Д.Т.,— В.Р.,— А.Ч.,— А.В., О.Мак.,— Е.Б.,— М.Т.,— С.К.,— М.К.,— И.К.,— По 25с. П.Р.,— К.Я.,— и 15с. С.К. Итого 28 дол. 50с.

ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

25-го дек. 1925 г. русские анархисты Сев. Америки организовали конференцию с целью освещения положения анархического движения в Сев. Америке и возобновления активной анархической работы в стране.

В конференции приняли участие шесть организаций и ряд отдельных товарищей.

Конференция, как основную задачу дня, выдвинула вопрос об'единения активных работников нашего движения и положила начало «Федерации Анархистов Северной Америки».

Приветствуем организационные и деловые начинания наших северо-американских т-щей, которые особенно ценны и необходимы в теперешние тяжелые годы.

Редакция «Дела Труда».

ПОПРАВКА.

В N 7-8 Дела Труда, в обращении «*Ко всем товарищам и организациям*» вкралась ошибка, искажающая мысль обращения. Напечатано... «Сумма эта (т.е. сумма по изданию «Дела Труда») почти целиком ложится на плечи местной небольшой группы товарищей рабочих, стремящихся всеми силами поддерживать издание рабочего анархического органа». На самом же деле должно быть напечатано следующее: «Сумма эта почти целиком ложится на плечи небольшой группы товарищей рабочих, стремящихся всеми силами поддерживать издание рабочего анархического органа».

Таким образом, вкравшееся слово *местной* совершенно исказило мысль обращения, заставив многих думать, что в данном случае речь шла о Парижской группе русских анархистов. На самом же деле редакция имела ввиду группу рабочих анархистов из Союза Об'единен. Анарх. Сев. Америки и Союза Росс. Труж. г. Нью-Иорка, благодаря материальной поддержки которых только и возможно было издание «Дела Труда».

Редакция.

АНАРХИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.

Вышли первые две тетради Анархической энциклопедии под руководством Себастьяна Фора и при ближайшем участии т-щей Бертони, Бенора, Волина и др. Следующие понятия разбираются во второй тетради. *Амнистия* (Себастьян Фор), *Любовь* (Ган Ринер, Ж. Марестан, Э. Арман, Лакац-Дютве), *Анархия*, *Анархизм*, *Анархист* (с. Фор), *Анархия*, *Анархизм*, *Индивидуалистический анархизм*, *Христианский Анархизм* (Э. Арман), *Антогонизм* (С. Фор), *Антроморфизм*, *Антропофоние* (Винье д'Октон), Антигосударственность (Волин) и мн. др. Цена абонемента на всю энциклопедию (36 тетрадей) во Франции 144 фр., за границей 153 фр., Абонемент 3 тетрадей стоит во Франции 12 фр. за границей 12.75. Абонироваться следует по следующему адресу:

Sebastien Faure, 55, rue Pixerecourt, Paris (XXe).

В редакцию поступили следующие издания:

«Голос Труженника»— орган Индустриальных Рабочих Мира на русс. языке. Чикаго.

«Рассвет»— ежедневный орган росс. рабоч. организаций Соедин. Штатов и Канады. Нью-Иорк.

«Социалистический Вестник»— орган росс. социалдемокр. раб. партии. Берлин.

«Знамя Борьбы», орган левых соц.-рев. и максималистов.

«Земеделско Знаме», орган Болг. Земл. Народн. Союза. Прага.

«La Federation Balkanique» N 31-32.

ОТЧЕТ

Группы Русских Анархистов Заграницей
с 21. X. 925 г. по 31.I.926 г.

Приход: Остат. на 21.X.925г.— 57 фр.45с., От Фед. Рус. Раб. (Аргент. за лит. —5 дол.) — 120 фр., членск. взн. — 130 фр. выруч. за литер. — 39 фр.70с., от Густава (Мексика — 5 дол.) — 127 фр.50с., от Союза Анарх. Сев. Америки (40 дол.) — 1088 фр.80с. от тов. Бел. (50 дол.) — 1330 фр. Примечание: «согласно решения конференции Анархистов Сев. Америки от 25 дек. 1925 г. оставшийся за мною долг федерации А.К. «Волны» я пересылаю в орган «Дело Труда»— пятьдесят дол.—, а остальную сумму передаю в федерацию Анарх. Сев. Америки, получившую свое начало на конференции от 25 дек. 1925 г. С тов. приветом Бел». От Хадж. (Чехосл.) — 10 ч. кр. *Всего прихода*: 2893 фр.45с. и 10 ч. кр.

Расход: В типогр. за журн. NN 6-й и 7-8-й — 2100 фр., экспед. журн. — 214 фр. 75с., корресп. и др. — 22фр. *Всего расхода*: 2336 фр.75с.

Приход — 2893 фр. 45с., 10 ч. кр.
Расход — 2336 фр. 75с. —
Остат. на 556 фр. 70 с. и 10 ч. кр. 1.II.926 г.

Le Gérant: Jules CHAZANOFF

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange - Paris.